



Виноградова Е.В., Раттур М.В. Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 184-208.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_184

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184

Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма

Елена Валерьевна Виноградова

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: evsfrf@gmail.com

Мария Владимировна Раттур

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: rattur@yandex.ru

*Поступила в редакцию 16.05.2025, поступила после рецензирования 18.06.2025,
принята к публикации 26.06.2025*

Государственное устройство, наряду с политическим режим и формой правления, определяет основы организации и функционирования власти в государстве. Изучение его правовой природы – исследовательская задача, не теряющая своей актуальности на протяжении многих лет. Эволюция концепции территориальной организации государства контекстно предопределена развитием конституционно-правовых идей, формирующих современное политико-правовое пространство. Создание отечественной историографической модели политико-правовых знаний позволяет уточнить подходы к некоторым принципам, влияющим на формирование государственности, в частности, к легитимизму. Исследование этого института не часто становится предметом правовых исследований. Необходимость заполнить данный пробел предопределяет постановку ряда задач. Важнейшими из них являются корректировка хронологических рамок и обозначение ярких представителей политико-правовой мысли, включая отечественных. Проведение исследований, основанных на источниках высокой степени верифицированности, доступ к которым до недавнего времени был осложнен для научного анализа, позволило обозначить факты, активизирующие влияние России на мировые политико-правовые процессы. Часть из них предопределяется влиянием принципа легитимизма, находящего свое отра-



© Виноградова Е.В., Раттур М.В., 2025

жение в ряде конституционно-правовых институтов. В связи с этим изучение пересечений легитимизма и конституционализма представляется весьма интересным. Принцип легитимизма в данном исследовании изучен на основе ретроспективного анализа формирования государственности Швейцарии в начале XIX в. В статье исследован опыт формирования конституционной государственности Швейцарии, обозначена позиция влияния России. Сделан вывод о том, что базовые характеристики государственно-правовой идентичности Швейцарии – конфедеративное устройство и непосредственная демократия – сохранены Александром I, вооруженный нейтралитет – приобретен в результате решения, предложенного русским монархом. Актуальность сравнительного анализа конституционных положений Швейцарии и России обусловлена процессами преобразования политико-правовых моделей государственности, происходящих в последнее время во всем мире, отраженных, в том числе, и в необходимости принятия и легитимации поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 г. Необходимость поиска новых паттернов взаимообусловленности внутренней и внешней политики государств делает исследование этой направленности своевременными и значимыми.

Ключевые слова: государственность; федерация; конфедерация; Швейцария; историографический анализ; идентичность; Венский конгресс; Российская империя; легитимизм

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Historiographic Analysis of Switzerland's State Legal Identity: Transformation of the Principle of *Legitimism*

Elena V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: evsfrf@gmail.com

Maria V. Rattur

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: rattur@yandex.ru

Received 16.05.2025, revised 18.06.2025, accepted 26.06.2025

Abstract. The state structure, political regime, and form of government, collectively determine the organizational and functional foundations of state power. Studying their legal nature remains a research imperative with enduring scholarly significance. The evolution of territorial state organization is contextually shaped by the development of constitutional-legal doctrines that define the modern political and legal order. Constructing a historiographic framework for political-legal

knowledge facilitates a refined analysis of the principles underlying state formation, in particular, *legitimism* – an institution seldom examined in legal scholarship. Addressing this gap predetermines several key tasks, including the redefinition of chronological parameters and the identification of influential figures in political-legal thought, both domestic and international. Utilizing rigorously verified sources – previously inaccessible for systematic study – this research reveals previously overlooked dimensions of Russia's impact on global political and legal processes. Certain aspects of this influence stem from the principle of *legitimism*, manifest in various constitutional and legal institutions. Consequently, examining the interplay between *legitimism* and *constitutionalism* yields significant scholarly results. This study employs a retrospective analysis of Swiss statehood formation in the early 19th century, to scrutinize the principle of *legitimism*. It explores Switzerland's constitutional development, with particular attention to Russia's role. The study indicates that key features of Switzerland's state-legal identity – its confederate structure and direct democracy – were preserved under Alexander I of Russia's influence, while armed neutrality emerged through a Russian-proposed resolution. The contemporary relevance of comparing Swiss and Russian constitutional provisions arises from broader global transformations in political and legal models of statehood, exemplified by the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation, and the imperative of their legitimization. As states reassess the interplay between domestic and foreign policy, research of this nature assumes heightened relevance and scholarly importance.

Keywords: statehood; federation; confederation; Switzerland; historiographic analysis; identity; Congress of Vienna; Russian Empire; legitimism

Acknowledgements: The research was conducted as part of the scientific project “Creation of a Russian Historiographical Model of Political and Legal Knowledge and Its Application for the Development of Promising Means of Countering Ideological Distortions of the Civilizational Development of Russia”. The project received financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Vinogradova E.V., Rattur M.V. Historiographic Analysis of Switzerland's State Legal Identity: Transformation of the Principle of 'Legitimism', *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 184-208. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_184

Введение

На протяжении многих десятилетий историографическая модель политико-правовых знаний, касающихся, в частности, конституционно-правовых институтов, таких как государственное устройство, легитимность власти, суверенитет и другие, формировалась, за редким исключением, без учета вклада отечественных философов, историков, юристов, других представителей гуманитарных наук. В связи с актуальностью формирования новой отечественной историографической модели политико-правовых знаний (Савенков 2024: 82-90; Горбань 2023: 100; Горбань 2024: 11-15) важно обратить особое внимание на тот факт, что отечественная политико-правовая мысль контекстно предопределила создание феноменов державности, соборности, принципа легитимизма и других социально-

правовых конструкторов. В качестве «почти забытого» примера эволюции государственно-правовой идентичности можно привести формирование Швейцарской Конфедерации в эпоху после революционных войн. Опасность для Швейцарии, по откровенному признанию Ф.-С. Лагарпа в письме Александру I от 13 июня 1814 г., «быть разорванной на клочки», миновала благодаря позиции, которую занял и последовательно отстаивал российский император (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 351).

Принцип легитимизма в данном исследовании изучен на основе ретроспективного анализа формирования государственности Швейцарии в начале XIX в. Основу источниковой базы исследования составили впервые переведенные на русский язык уникальные документы из Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Кантонального архива Во, Кантональной и университетской библиотеки Лозанны, архива Фонда «Jean Monnet pour l'Europe», опубликованные в 2014–2017 гг. (Андреев, Тозато-Риго 2014; Андреев, Тозато-Риго 2017а; Андреев, Тозато-Риго 2017б).

Это позволило сфокусировать внимание на недостаточно изученном политико-правовом явлении, эволюционировавшем далее в концепты легитимности и легитимации, актуальные в формате реализации конституционного принципа поддержания доверия к законам и действиям государства. Включение принципа легитимизма в предметное поле при создании отечественной историографической модели политико-правовых знаний позволяет расширить представления о природе власти в дискурсе правовой государственности.

Мнение К. Ясперса о том, что «Швейцария не имеет образца, кроме самой себя», предопределенное тем, что Швейцария доказала возможность построить государство, где власть принадлежит народу, а компромисс становится искусством управления, даже в центре Европы, среди горных вершин и религиозных противоречий. Вместе с тем, следует напомнить точку зрения современного швейцарского историка О. Мёвли: «В конечном счете судьбу Швейцарии решил именно царь Александр I, глава антинаполеоновской коалиции»¹. Швейцария прошла путь от рыцарских союзов до цифровой демократии, укрепила свое государственное устройство и в конституционных положениях, и в занимаемой позиции нейтралитета². Ее история – это история о том, как уважение к традициям и готовность к реформам создают уникальную политическую стабильность. Следует отметить, что государственность Швейцарии, к большому сожалению, весьма редко становилась предметом государственно-правовых исследований. В российской правовой науке швейцарский конституционализм исследовал ряд ученых (Руденко 2003; Баглай и др. 2006; Медушевский 2002; Карсанова 2021), но тема легитимизма в этих исследованиях не является центральной.

¹ Пошар О. Венский конгресс и судьба швейцарского нейтралитета, 24.03.2015. URL: <https://inosmi.ru/20150324/227063505.html> (дата обращения: 21.08.2024).

² Вероятно, здесь не лишним будет напомнить, что руководство современной Швейцарии в последние годы отходит от этой позиции.

В них подробно, с привлечением западных и непосредственно швейцарских источников, исследован европейский историографический дискурс. Это предопределило возможность сфокусировать внимание на документах, упорядоченных и прокомментированных Лагарпом (письма, обзорные записки, проекты и др.), доступ к которым до недавнего времени был осложнен для исследователей.

Правовой анализ этих источников во многом обусловлен признанием уникальных черт швейцарской Конституции (гибкость: за 175 лет внесено свыше 200 поправок; двойное большинство: для изменений требуется одобрение большинства граждан и кантонов; открытость: любой гражданин может предложить поправку через инициативу), которые предопределяют большой интерес к ее исследованию. Актуальность сравнительного анализа конституционных положений Швейцарии и России обусловлена процессом принятия и легитимации поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 г.

Легитимизм в историографии: трансформация дефиниции

Легитимизм как принцип, сформулированный Ш.М. Талейраном на Венском конгрессе (хотя формирование политико-правовых идей в этом отношении началось гораздо раньше), в практическом воплощении означал, что ни одной короной, ни одной территорией нельзя распоряжаться до тех пор, пока ее законный обладатель формально от нее не отказался. По мнению Талейрана, искоренив приобретение прав только лишь завоеванием, можно обеспечить порядок и устойчивость в Европе. «Я ставлю право выше выгод!» – сообщил князь Талейран-Перигор российскому императору Александру I спустя 3 дня после открытия конгресса (1 октября 1814 г.) (Потёмкин 1941: 379).

Примечательно, что о сакральности права царю говорил тот, кто за денежное вознаграждение от России предал Наполеона в Эрфурте, вступив в тайные переговоры с Александром I. Понятно, что за этим пассажем стояла необходимость обеспечить территориальную целостность Франции. Последняя, будучи побежденной, отстоять силой оружия ее была просто не в состоянии.

В обширной историографии Венского конгресса большое внимание по праву уделяется польско-саксонскому вопросу. Именно он был ключевым при обсуждениях европейских монархов. Решения по поводу Швейцарии нельзя назвать судьбоносными для Европы, но они стали ключевыми для формирования представлений об институте вооруженного нейтралитета и конфедеративном устройстве, которые по сей день составляют основу швейцарской государственно-правовой идентичности. Ныне существующие границы Швейцарии также во многом определены российским императором Александром I.

Это позволяет сделать предметом исследования историографический анализ не только политико-правового изучения легитимизма, но и работ, освещающих события, которые предшествовали Венскому конгрессу

и последовали за ним. В связи с формированием новой отечественной историографической модели политико-правовых знаний (Горбань 2024: 18), важно обратить особое внимание на тот факт, что отечественная политико-правовая мысль в отношении формирования основ легитимизма была представлена трактатом Н.М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанным в 1811 г. для российского императора (Жуков, Раттур 2024: 71).

Работа обращает на себя внимание прежде всего тем, что положения и выводы ее базируются исключительно на анализе политико-правового развития России, что опровергает сложившееся в историографии представление о заимствовании отечественными мыслителями западных идей. Более того, автор обращает внимание государя на то, что «Россия существует около 1000 лет – и не в образе дикой орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы недавно вышли из темных лесов американских» (Карамзин 2004: 1009). Рассматривая ключевые события истории России, Н.М. Карамзин приходит к выводу, что «самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы» (Карамзин 2004: 1004). Это позволило исследователям отнести автора к легитимистам (Яблоков 2008; Чудинов 1992), но крайне важно учесть, что свои политико-правовые идеи он формулировал до укоренения дефиниции «легитимизм» в западноевропейском политико-правовом пространстве. Для формирования и развития политико-правовых знаний такая ситуация не является исключением. Так, введением в научный оборот понятия «идентичность» в середине XX в. мы обязаны психологу Э. Эриксону, но в настоящее время термин активно используется как в нормативных актах, так и научных публикациях политико-правовой тематики (Брубейкер 2012; Тишков 2021; Фишман 2024; Виноградова, Раттур 2024: 170; Раттур 2024).

Ш.М. Талейран в 1814 г. на Венском конгрессе использовал теоретико-правовые представления, уже сформулированные в работах Ж. де Местра, Э. Бёрка, Л. де Бональда, Н.М. Карамзина для выдвижения принципа легитимизма, заключавшегося в том, что «Европа, собравшаяся в лице своих государей и дипломатов на Венский конгресс, должна при перераспределении земель и изменении территориальных границ оставлять в нерушимом виде то, что существовало до начала революционных войн, т.е. до 1792 г.» (Потёмкин 1941: 379). Широкое освещение Венского конгресса и значительное число научных трудов, посвященных этому событию, сформировали в историографии политико-правовых учений устойчивое представление о Ш.М. Талейране как авторе теории легитимизма. При этом для него легитимизм выступал в качестве инструмента, с одной стороны, для ограничения действий России и Пруссии, а с другой – сохранения целостности территории Франции, проигравшей войну.

Легитимизм не относится к числу понятий, которому посвящена обширная историография политико-правовых знаний. В равной степени это

можно отнести как к отечественной, так и зарубежной историографии. Дефиниция «легитимизм» до настоящего времени не имеет однозначного толкования у правоведов, отсутствует единство в толковании и у историков, и у политологов. Легитимизм определен в современном толковом словаре как «теория, признающая главным принципом государственного устройства историческое право легитимной династии на власть (возникшая в Западной Европе – первоначально во Франции – в начале XIX в.)»³. В Советской исторической энциклопедии это понятие представлено в политико-правовой ретроспективе как «принцип, впервые выдвинутый на Венском конгрессе 1814–1815 гг. французским дипломатом Ш.М. Талейраном для защиты и обоснования внешнеполитических целей французских Бурбонов (свергнутых во время франц. революции в 1792 г. и восстановленных в 1814 г., а затем – в 1815 г.), которых монархические круги рассматривали в качестве законных (легитимных) правителей Франции»⁴.

Сформировавшееся в историографии политико-правовых знаний представление о принципе легитимизма основано на идее Ш.М. Талейрана, получившее поддержку на Венском конгрессе. Вместе с тем, обращение к источникам позволяет заметить, что концепция легитимизма имеет корни и в отечественном политико-правовом пространстве. К российским легитимистам исследователи относят Н.М. Карамзина (Яблоков 2008; Чудинов 1992), апеллируя к его «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Этот трактат был написан русским ученым в начале 1811 г.⁵ Несколько лет отделяют труд Н.М. Карамзина от Венского конгресса.

Считается, что отправной точкой для формирования философско-правовых представлений о легитимизме стали события Великой французской революции⁶, ставшие причиной пересмотра идеологии монархизма для того, чтобы она могла противостоять идеям Просвещения. Апология монархии требовала уточнения положений философско-правовой концепции. Развитие общественно-политической мысли в этом отношении связано, по мнению исследователей, прежде всего с работами Ж. де Местра. Успешно окончив в 1774 г. Туринский университет, где он изучал право, Ж. де Местр поддержал революционные события во Франции. Однако разочарование пришло довольно быстро. Французская армия оккупировала Савойю, он переселился в Швейцарию и опубликовал в 1793 г. свой первый публицистический труд «Письма савойского роялиста», содержащий кри-

³Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. Москва : Рус. яз., 2000. С. 515.

⁴ Легитимизм // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. Москва : Совет. энцикл., 1965. Т. 8. Стб. 522.

⁵ Он был подготовлен для Александра I по просьбе великой княгини Екатерины Павловны.

⁶ Он значительно опередил Ш.М. Талейрана, старавшегося трансформировать складывающуюся политико-правовую идею в механизм защиты интересов Франции на Венском конгрессе.

тику режима, установившегося во Франции. Историко-политическая работа «Рассуждения о Франции» увидела свет в Лозанне в 1796 г. (Генифе 2003: 97). Ее публикация стала своеобразным манифестом политико-правового консерватизма, а автор – признанным идеологом этого направления. С 1803 по 1817 г. Ж. де Местр – посланник Сардинского королевства в Российской империи. Его основные политико-правовые исследования будут написаны и изданы в Санкт-Петербурге: «Опыты о принципе порождения политических учреждений и других человеческих установлений» (1810) и «О сроках божественной справедливости» (1815). Важно отметить, что первой специальной отечественной работой, посвященной анализу политико-правовых взглядов Ж. де Местра как легитимиста, станет публикация о нем В.С. Соловьёва в 1897 г.⁷

Сложившееся в историографии представление о Ж. де Местре как о ключевой фигуре консерватизма несколько отодвинуло на второй план британского мыслителя Э. Бёрка. Это представляется не вполне справедливым и требует, на наш взгляд, освещения его воззрений для восполнения историографической лакуны в изучении политико-правовых идей. Дополнительным аргументом в данном случае является тот факт, что консервативные идеи, впоследствии положенные в основу легитимизма, были высказаны им раньше, чем Ж. де Местром. Его труд «Размышления о Французской революции» был опубликован в ноябре 1790 г. Окончив в 1750 г. Тринити-колледж в Дублине, Э. Бёрк переехал в Лондон для изучения права. Курс он не окончил, решив стать писателем. С 1766 по 1794 г. являлся членом Палаты общин английского парламента, последовательно отстаивая необходимость укрепления добродетелей в обществе и важность религиозных институтов «для моральной стабильности и блага государства» (Bourke 2015: 221). При этом в работе «Оправдание естественного общества» он критиковал отношение Британии к колониям в Америке, отстаивал права колонистов на сопротивление метрополии, но отвергал возможность обретения ими независимости (Бёрк 2001: 37-41). Убеденность Э. Бёрка в том, что революция, разрушая традиционные государственные и общественные институты, наносит непоправимое зло общественному развитию, красной нитью проходит через его, пожалуй, самый знаменитый политико-правовой труд «Размышления о революции во Франции» (Burke 1992). Политическая преемственность, уважение к унаследованным традициям и ценностям, а не следование революционным нововведениям в виде «абстрактной идеи закона, умозрительных построений» (Clark 2000: 5), убедительно обоснованы Э. Бёрком. В XIX в. его идеи пользовались поддержкой как в консервативных, так и либеральных кругах, но спустя время они приобрели статус «всеобщности и непреложности» для легитимизма в его узком (монархическом) понимании. В сложившейся историографии политико-правовых знаний Э. Бёрк – один из основателей консерватизма и легитимист (Neuwood, 2007; Чудинов 1992).

⁷ Переизд. см.: Соловьёв Вл.С. Мэстр Жозеф-Мари // Христианство : энцикл. словарь : в 3 т. / гл. ред. С.С. Аверинцев. Москва : Большая Рос. энцикл., 1995. Т. 2. С. 105–106.

Л. де Бональд разделял политико-правовые идеи Ж. де Местра и Э. Бёрка, публикуя свои произведения в начале 1800-х гг. При этом нельзя не отметить его недолгое увлечение либеральными идеями в предреволюционной Франции, переход на сторону роялистов, поддержку курса Наполеона после его прихода к власти, последующее разочарование и апологику радикального традиционализма. Политико-правовое обоснование критики либеральных идей содержат практически все работы Л. де Бональда. К наиболее значимым следует отнести «Теорию политической и религиозной власти» (1796), «Опыт анализа естественных законов социального устройства» (1800), «Первичное законодательство» (1802). Именно они внесли значительный вклад в обоснование легитимизма как политико-правовой идеи на рубеже XVIII–XIX вв.

Важно отметить, что для Швейцарии принятие участниками Венского конгресса принципа легитимизма как руководства к действию грозило потерей государственности, и только решение российского императора Александра I позволило предотвратить такое развитие событий. Обозначим здесь лишь тот факт, что царствование внука Екатерины Великой ознаменовано не только влиянием на формирование идентичности Швейцарии, но и Швеции, Финляндии, Польши (Виноградова и др. 2023; Раттур 2023; Данилевская-Урбанова, Раттур 2024).

Дальнейшее развитие легитимизма и его научное осмысление осуществлялось, в основном исходя из событий, связанных с формированием Венской системы. В отечественной историографии он обрел к началу XX в. следующую формулировку: «политическое учение, последователи которого считают верховную власть наследственной и независимой от воли народа; в частности, во Франции учение, по которому королевская власть должна находиться в руках Бурбонской династии»⁸. Следует отметить, что в общественном сознании французов уже к середине XIX в. сложилось представление о легитимисте как стороннике абсолютной монархии. Доказательством тому является опубликованный в 1842 г. знаменитый сборник «Сцены частной и общественной жизни животных», тексты для которого написали О. де Бальзак, Ж. Санд, П.-Ж. Сталь и др. (Миличина 2015). Так, например, в рассказе «Путешествие парижского воробья в поисках наилучшего правления» при описании абсолютной монархии (государства пчел) легитимизм как политико-правовое явление представлен исключительно в свете апологии абсолютизма. К середине XIX в. вопросы законности и сохранения территориальной целостности (актуальные для времени Венского конгресса) в правосознании европейцев с легитимизмом уже не связаны.

Трансформацию понятия «легитимизм» можно проследить благодаря историографическому анализу дореволюционных работ отечественных исследователей. Так, в работах В.П. Даневского и А.Н. Штиглица понятие легитимизм контекстно связано с политическим равновесием и национальным вопросом (Даневский 1882: 17; Штиглиц 1890: 7). Н.А. Осокин с правовых

⁸ Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Москва : Т-во И.Д. Сытина, 1904. С. 221.

позиций оценивая политические движения в Западной Европе первой половины XIX в., отмечает «борьбу конституционного начала с легитимизмом», обращая внимание на то, что легитимизм не есть исключительно «явление французской истории» (Осокин 1892: 28-29).

Б.Н. Чичерин в 1902 г. дал оценку легитимистским взглядам Ж. де Местра с либеральных позиций (Чичерин 1902: 134-136), а в отношении взглядов Л. де Бональда работа С.А. Котляревского стала первой в отечественной историографии, где его концепция подвергнута развернутому анализу (Котляревский 1904).

В «Доктрине монархического принципа во Франции в эпоху реставрации», написанной А.С. Алексеевым в 1916 г. для журнала «Юридический вестник», указывается, что «победоносно соперничать с началом народного суверенитета» мог лишь принцип легитимизма» (Алексеев 1916: 8). Интересен взгляд Н.А. Бердяева, утверждавшего, что «Легитимизм, все равно монархический или демократический, есть мертвая идея в катастрофические периоды истории» (Бердяев 2002: 282).

Научные изыскания относительно легитимизма в советское время были весьма немногочисленны. Причиной тому является его ярко выраженная антиреволюционная направленность. Особняком стоит работа «Мир русской истории» (1922) крупнейшего историка Русского Зарубежья Е.Ф. Шмурло, эмигрировавшего в Прагу в 1924 г. С позиций легитимизма – «государственного строя, освященного церковью и временем» – он в своем труде, ставшем итогом 40-летней деятельности, излагает основные события отечественной истории (Шмурло 2009: 235).

В советской довоенной историографии лишь труд А.Н. Шебунина «Европейская контр-революция в первой половине XIX века» содержал развернутую характеристику легитимизма. Обозначив его как «принцип законной власти», автор вместе с тем отметил, что на Венском конгрессе «принцип легитимизма был выгоден и Англии, и Австрии» (Шебунин 1925: 46).

Примечательно, что А.Л. Нарочницкий, читая лекции на завершающем этапе Великой Отечественной войны и характеризуя международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г., отметил следующее: «Александр, как и все государи, проводил на конгрессе реакционную политику. Но он допускал больше отступлений от принципов легитимизма» (Нарочницкий 1946: 55). Аналитические выводы и оценки в отношении легитимизма содержит диссертационное исследование Л.А. Зака «Монархи против народов: дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи» (Зак 1966).

Стремлением отойти от идеологических штампов о легитимизме как сугубо монархической и антиреволюционной системе взглядов можно охарактеризовать работы, посвященные изучению политико-правовых взглядов Н.М. Карамзина (Кислягина 1976; Лотман 1957: 122-166). Публикация в 1989 г. в журнале «Вопросы философии» статьи Л.П. Карсавина о Ж. де Местре (Карсавин 1989) стала событием для советской историографии.

Среди авторов немногочисленных современных исследований, посвященных различным аспектам изучения легитимизма, следует отметить

А.Н. Закатова, А.Н. Долгих, А.С. Заболотную (Закатов 2008; Долгих 2024; Заболотная 2010). Обращают на себя внимание работы, посвященные персоналиям, которых в историографии принято относить к «легитимистам» (Савенков 2023; Правкин и др. 2020; Мирзоев 2008).

Сравнительному анализу германского и российского консерватизма посвящено исследование Г.И. Мусихина. Автор особо обращает внимание на то, что авторитет личной верности монарху является неотъемлемой частью легитимизма (Мусихин 2002: 130). На несовместимость принципа легитимизма и права завоевания обращает внимание М.А. Додолев в работе «Венский конгресс в историографии XIX и XX веков» (Додолев 2000: 19). При этом авторы неизменно отмечают недостаточную разработанность темы легитимизма как в отечественной, так и зарубежной историографии (Таньшина 2020: 19; Долгих 2024).

Идея легитимизма в истории политико-правовой мысли прошла сложный путь от реакции на революционные события во Франции к инструменту внешнеполитического воздействия для раскола союзников, предложенного Талейраном, и до оплота монархических и консервативных воззрений. Историографический анализ работ, посвященных легитимизму, позволяет сделать вывод об ошибочности устоявшихся в историографии представлений об авторстве этой теории Талейрана, сформулированной последним на Венском конгрессе в 1814 г. Так, например, Н.М. Карамзин в 1811 г., основываясь на сведениях из российской истории, обозначил идею легитимизма в трактате «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях».

Российское влияние на государственно-правовую идентичность Швейцарии. Принцип легитимизма на Венском конгрессе

Швейцарский историк О. Мёвли справедливо отмечает, что «Швейцария являлась буферной зоной между Австрией и Францией, страной, которую теперь предстояло общими усилиями стран-победительниц держать на коротком поводке. Понятно, что для каждой из держав было очень соблазнительно поставить Швейцарию под свой контроль, особенно если учитывать, что именно она играла, в итоге, ключевую роль в обеспечении действенности механизма сдерживания Франции»⁹.

При этом важно обратить внимание на полную неразбериху в рядах самих швейцарцев, которую женеvский историк И. Эрманн обозначила так: «Больше всего поражает то, что они не могли договориться между собой. В устах делегатов от разных кантонов слова “независимость”, “нейтралитет” имели разное значение»¹⁰. Ситуация осложнялась еще и тем, что бывший административный центр французского департамента Леман Женева и часть французского департамента Симплон (Вале) отошли Швей-

⁹ Пошар О. Венский конгресс и судьба швейцарского нейтралитета.

¹⁰ Бабаева Л. 200 лет назад на свет появилась современная Швейцария // Наша газета. 2014. 18 сент. URL: <https://nashagazeta.ch/news/swiss/18283> (дата обращения: 21.09.2024).

царии согласно условиям Парижского мирного договора 1814 г. При этом Берн грезил возвращением себе в качестве подвластной земли Во, а часть швейцарского Невшателя стала прусской. Епископ Базельский и настоятель Санкт-Галленского аббатства также стремились вернуть себе земельные владения. При этом земли епископата составляли ни больше ни меньше как целый кантон Юра, образованный чуть позднее.

Принцип легитимизма, предложенный Талейраном, сохранял территории за Францией, а земли Швейцарии ожидало «растаскивание по кусочкам» на фоне провозглашения верховенства права. Ее судьба должна была решиться на Венском конгрессе. При этом главный редактор «Исторического словаря Швейцарии» М. Жорио в интервью газете «Le Temps» совершенно справедливо отметил, что решения на Венском конгрессе (в том числе и швейцарского вопроса) принимались в результате «торгов, которые не всегда выглядели достойно»¹¹.

Ярким примером, подтверждающим мнение М. Жорио, может служить тайное соглашение Австрии, Франции и Англии против России и Пруссии 3 января 1815 г. Соблюдение принципа легитимизма должно было привести к отказу России от частей Польши, не принадлежавших ей до революционных войн, а Пруссии – от Саксонии. «Поборник верховенства права» Талейран убедил Меттерниха (Австрия) и Каслри (Англия) «сомкнутым строем вступить в решительную дипломатическую борьбу против России и Пруссии», заключив тайное соглашение (Потёмкин 1941: 381). Сохранение строжайшей тайны предполагалось обеспечить всего лишь тремя экземплярами соглашения. Один остался в Вене у Меттерниха, другой Талейран отослал в Париж Людовику XVIII, третий Каслри отвез принцу-регенту Англии Георгу.

Тайное стало явным для Александра I следующим образом. Покинувший Эльбу Наполеон обнаружил в ящике стола королевского кабинета экземпляр договора, который забыл забрать бежавший впопыхах из Парижа Людовик XVIII. Наполеон немедленно направил этот документ Александру I в Вену. Российский император, получив пакет из Парижа и ознакомившись его с содержимым, при встрече с Меттернихом молча протянул ему «тайный плод дипломатического творчества австрийского канцлера» (Потёмкин 1941: 382). Учитывая, что произошло это в пору начала «Ста дней» Наполеона, и Меттерних от русского царя ждал нового спасения Европы, о чем уже успел сообщить и ему, и союзникам, то произведенный эффект позволил усилить позиции России на Венском конгрессе.

Уже 20 марта 1815 г. была принята Венская декларация, ставшая итогом работы Комитета по швейцарским делам и объявившая о «вечном нейтралитете» Швейцарии, целостности 19 кантонов, существовавших в период действия Посреднического акта, вступлении в Швейцарскую конфедерацию еще 3 новых кантонов, находившихся до 1814 г. под контролем Франции. Федеральный сейм ратифицировал декларацию 27 мая 1815 г., а 8 июня она была включена в итоговый акт Венского конгресса.

¹¹ Там же.

За этим простым перечислением событий скрывается кропотливая работа русской миссии в Комитете по швейцарским делам, перипетии которой можно объективно оценить, проанализировав впервые опубликованные в 2017 г. на русском языке материалы, основой которых стала переписка императора Александра I и его швейцарского наставника Ф.-С. Лагарпа. Так, например, в письме от 13 июня 1814 г. Ф.-С. Лагарп сообщает императору «о еще одной безрассудной попытке Швейцарию лишить покоя» (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 596). Речь идет о стычке сельских жителей кантона Золотурн со сторонниками возвращения к Старой Конфедерации. Результатом ее стало несколько погибших.

Дело в том, что швейцарский вопрос в 1814 г. «был в руках Меттерниха», а он поддерживал идею возвращения к Старой Конфедерации, ущемлявшей права большинства населения Швейцарии. Талейран, не желая территориальных потерь Франции и провозгласив принцип легитимизма, был крайне доволен позицией британского министра иностранных дел Каслри, состоявшей в том, что «мы ничего не можем противопоставить официальному отказу Франции уступить Швейцарии часть подчиненных территорий»¹².

21 января 1815 г. Лагарп в письме Александру I обращает его внимание на то, что «в мнениях комитета касательно дел швейцарских узнал я руку франко-английскую» (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 660). Опасность для Швейцарии, по меткому выражению Ф.-С. Лагарпа, «быть разорванной на клочки» (письмо Александру I от 13 июня 1814 г.) миновала благодаря позиции, которую занял и последовательно отстаивал российский император. Вот что об этом пишет современный швейцарский историк О. Мёвли: «В конечном счете судьбу Швейцарии решил именно царь Александр I, глава антинаполеоновской коалиции. Проконсультировавшись с Лагарпом, он объявил о своем намерении сохранить Швейцарию в составе 22-х кантонов, тогда как австрийский канцлер Меттерних симпатизировал, скорее, кантону Берн, склоняясь к восстановлению Старой Конфедерации»¹³.

После провозглашения нейтралитета Швейцарии в Венской декларации от 20 марта 1815 г. и до ее ратификации Федеральным сеймом 27 мая 1815 г., этим же Собранием был одобрен договор о присоединении к коалиции союзных держав против Наполеона. В историю этот документ вошел под названием «Цюрихская конвенция 20 мая 1815 г.».

6 мая в обращении союзников к Сейму было сказано, что «обеспечить швейцарский нейтралитет, признанный на Венском конгрессе, будет возможно, только если Швейцария в нынешних условиях поспособствует победе над Наполеоном» (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 600). В тексте Цюрихской конвенции сказано, что «для поддержания общей европейской системы» Швейцария присоединяется к коалиции противников Наполеона.

Примечательно, что против принятия Цюрихской конвенции выступили три кантона (Базель, Во, Тессин), хотя на результат это не повлияло.

¹² Бабаева Л. 200 лет назад на свет появилась современная Швейцария.

¹³ Пошар О. Венский конгресс и судьба швейцарского нейтралитета.

Ратификация конвенции должна была произойти в трех четвертях кантонов, что и случилось в течение двух недель. Итогом стал проход австрийских войск через перевал Симплон и Женеву на Лион, пересечение швейцарской армией государственной границы с Францией (правда, лишь после битвы при Ватерлоо). 26 августа действия армии за пределами страны завершились осадой крепости Хюниген. С тех пор вооруженные силы Швейцарии не покидали пределов своей страны.

Несмотря на необходимость принятия Цюрихской конвенции, современная Швейцария высоко ценит свой нейтралитет, нечасто вспоминая, при каких обстоятельствах и чьими усилиями он был получен. Отрадно, что в 2015 г. швейцарский историк О. Мёвли напомнил согражданам, что «без согласия России нынешняя нейтральная Швейцария была бы немыслима»¹⁴.

По итогам принятия Венской декларации, ее ратификации Сеймом и включения в итоговый акт Венского конгресса 7 августа 1815 г. представителями всех 22 кантонов был подписан Федеральный пакт – основной закон Швейцарской конфедерации, действовавший до принятия новой Федеральной конституции 1848 г. современного образца. Он состоял из 15 статей, положения которых обеспечивали суверенитет кантонов, запрещали неравенство «подвластных земель», устанавливали, что центральную власть представляет Сейм, заседающий в одном из трех кантонов (Цюрих, Берн, Люцерн).

Таким образом, следования принципу легитимизма, которое означало бы для Швейцарии возвращение к прежней Конфедерации, поражение в правах большинства населения, отторжение значительных территорий, удалось избежать благодаря деятельности русской дипломатической миссии на Венском конгрессе, личным усилиям и воле Александра I. Современные границы Швейцарии, федеративное устройство, нейтралитет стали возможны лишь благодаря абсолютному монарху унитарного государства.

Государственное устройство Швейцарии: конфедерация – унитарное государство – федерация

Территориальное устройство страны является одной из основ, определяющих его государственность. Исследование правовой природы государственного устройства контекстно связано с принципом легитимизма, что находит свое отражение в ряде конституционно-правовых институтов. В связи с этим изучение пересечений легитимизма и конституционализма представляется весьма интересным. Кроме того, следует учесть, что оба концепта в их правовом содержании возникли примерно на одном и том же историческом отрезке.

Унитарное государство, федерация или конфедерация – выбор, перед которым в разное время стояло большинство стран. Если выбор унитарной или федеративной формы государственного устройства являются весьма

¹⁴ Там же.

распространенными¹⁵, то следует отметить, говоря о классических конфедерациях, что конфедерация – нестабильная форма, по мнению исследователей (Хофер 2006: 60; Швейцер 2009). Это предопределено сложностью координации между суверенными членами, отсутствием сильного центра для решения кризисов при очевидной тенденции к централизации власти. В классической работе о федерализме Д. Элазар доказывает, что конфедерации нежизнеспособны в долгосрочной перспективе и эволюционируют в федерации или распадаются (Elazar 1987).

Строго говоря, сложно назвать примеры сегодняшних государств-конфедераций в классическом понимании политико-правового содержания этой формы территориального устройства страны. Конфедерации как форма управления уступили место более устойчивым структурам: федерациям или международным организациям.

Относительно международных организаций в последние годы все чаще применяется термин «конфедерация». С.А. Авакьян анализирует Европейский Союз (ЕС) как «мягкую конфедерацию», подчеркивая отсутствие у него признаков государства (Авакьян 2016: 55). В связи с этим отметим, что, несмотря на существующие подходы, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой функционирующие международные объединения и союзы отдельными чертами конфедерации не соответствуют ее строгому определению. В качестве таких примеров чаще всего рассматривают ЕС, который наделен чертами конфедеративного устройства¹⁶, однако не имеет единой внешней политики или армии. Кроме того, его члены могут выйти (как Великобритания в 2020 г.) из союза. Поэтому, очевидно, что ЕС – гибрид межгосударственного союза и наднациональной организации, но не конфедерация.

Иногда как конфедерация рассматривается созданное в 1991 г. после распада СССР Содружество Независимых Государств (СНГ), обладающее таким чертами конфедерации, как общие экономические и военные соглашения. Но в реальности у СНГ нет наднациональных органов с реальной властью. Скорее, это зона свободной торговли с элементами политического диалога. В объединяющем 55 стран Африки Африканском Союзе (АС) для формирования элементов конфедеративного устройства руководители предложили создать единый парламент и суд, однако слабая интеграция и зависимость от решений национальных правительств не позволяет относить АС к конфедеративным образованиям. Таким образом, к модели конфедерации приближен Европейский Союз, но он остается межгосударственным объединением с элементами наднациональности. Примеры государств-конфедераций в сегодняшнем политико-правовом дизайне назвать весьма непросто.

¹⁵ По состоянию на 2025 г. в мире насчитывается 27 федеративных государств. Количество может незначительно варьироваться в зависимости от критериев классификации, так как некоторые страны имеют гибридные или спорные формы устройства.

¹⁶ В частности, суверенные государства передают часть полномочий наднациональным органам (Еврокомиссия, Европарламент), наличие общей валюты (евро), единого рынка, Шенгенской зоны.

В этом контексте представляется интересным следующее положение швейцарской Конституции 1999 г., закрепленное в статье 1: «швейцарский народ и кантоны... образуют совместно Швейцарскую Конфедерацию». Политическая культура страны предопределяет акцент на децентрализацию и кантональную автономию, что создает иллюзию конфедерации, но юридически это федерация. Г. Кельзен, утверждал, что «Швейцария – федерация, так как ее кантоны не обладают государственным суверенитетом, а лишь автономией в рамках федеральной конституции» (Кельзен 2015: 325). А.Н. Медушевский, анализируя эволюцию от конфедерации к федерации, указывает, что современные конфедерации – это «переходные формы» (Медушевский 2011).

Соглашаясь с мнением К. Шмитта, полагавшего, что «название „конфедерация“ – это миф, необходимый для легитимации единства многоязычной нации» (Шмитт 2000: 221), считаем Швейцарию федерацией, замаскированной под конфедерацию историческим названием. Во-первых, ее государственное устройство соответствует всем критериям федерализма – верховенством федеральной конституции, разделением полномочий между центром и субъектами, отсутствием суверенитета у кантонов. Во-вторых, следует обратить внимание на лингвистический нюанс, так как латинское *confoederatio* в оригинале Конституции не означает конфедерацию в современном смысле.

Ну и, вне всякого сомнения, закрепление за Швейцарией статуса конфедерации – дань исторической традиции, сформировавшейся в конкретных политико-правовых реалиях, анализ которых предполагает возможность изменения существующих парадигм и создание новых моделей. Ее история начинается в 1291 г. от Союза трех кантонов, когда Ури, Швиц и Унтервальден заключили «Вечный союз» для защиты от Габсбургов. Этот договор, подписанный на лугу Рютли, стал основой швейцарской государственности. В XIV–XVI вв. происходили расширение и борьба за независимость. К концу XV в. Конфедерация включала 13 кантонов. Победы в битвах при Моргартене (1315 г.) и Земпахе (1386 г.) укрепили ее автономию, что позволило выйти из Священной Римской империи по итогам Швабской войны (1499 г.). В 1648 г. Вестфальский мир официально признал независимость Швейцарии. Страна пережила религиозные войны¹⁷, период Реформации (XVI в.)¹⁸. Религиозный плюрализм стал основой политической культуры, где компромисс ценится выше конфронтации. Право кантонов самостоятельно выбирать религию стало одним из положений Вестфальского мира.

Старая Швейцарская Конфедерация перестала существовать в результате французского вторжения в 1798 г. Ей на смену пришла унитарная Гельветическая республика. Из политической жизни Швейцарии исчез

¹⁷ Религиозные войны между католическими и протестантскими кантонами (битва при Каппеле, 1531 г.).

¹⁸ Ульрих Цвингли в Цюрихе и Жан Кальвин в Женеве превратили Швейцарию в центр протестантизма.

Сейм – представительный орган, существовавший со Средних веков. Союзу суверенных государств, связанных друг с другом различными договорами, созыв Сейма требовался в случае оказания взаимопомощи или арбитража, для управления совместными владениями – «бальяжами» (с 1415 г.) и заключения международных договоров (с середины XV в.). Компетенции Сейма были весьма ограниченными – они или перечислены в договорах, или восходили к традиции (например, совместной дипломатии кантонов, их общего участия в походах). Никакой исполнительной власти у Сейма не было.

При этом, как отмечал Ф.-С. Лагарп, «пять шестых нации не имели прав граждан, поскольку земли, где они жили – бывшие феодальные владения светских и церковных сеньоров – были некогда выкуплены или захвачены городскими или лесными кантонами, которые присоединили их к себе в качестве вассальных территорий» (Андреев, Тозато-Риго 2017b: 597). Это означало невозможность для жителей принимать участие в выборах, занимать должности в кантональных республиках, служить в армии в офицерских чинах, неся при этом весьма ощутимое налоговое бремя.

Зависимые части Швейцарии, находившиеся в вассальных отношениях с кантонами (так называемые «подвластные земли») стали отдельными независимыми кантонами или равноправными частями кантонов в результате Гельветической революции 1798 г. При этом в соответствии с Гельветической Конституцией, представлявшей собой адаптированную версию Конституции Франции 1795 г., кантоны потеряли все свои права и привилегии, превратившись в обыкновенные административные округа (префектуры) унитарного государства. Это полностью соответствовало стратегическому алгоритму «освободительной войны» Бонапарта: организовать манифестацию местных патриотов, которую поддержит французская армия. Навязанное Наполеоном государственное устройство оказалось для Швейцарии крайне нестабильным. 4 государственных переворота и гражданская война стали причиной издания первым консулом Французской республики 19 февраля 1803 г. Посреднического акта, ставшего основным законом Швейцарской Конфедерации в 1803–1813 гг.

Посреднический акт содержал отдельные конституции теперь уже для 19 (!) кантонов, определял, что высшим органом Конфедерации является Гельветический (федеральный) сейм, восстанавливал суверенные права кантонов в отношении таможен, налогов, выпуска монет, устройства армии (не давая при этом права воевать друг с другом и образовывать союзы), сохранял общее швейцарское гражданство и отмену статуса «подвластных земель», гарантировал равенство прав граждан и их личные свободы. К основным полномочиям Сейма относились ведение внешней политики и сбор федеральной армии. При этом отдельно оговаривалось, что сбор федеральной армии должен проводиться «по требованию Франции (в рамках союзного договора) или для решения внутренних проблем» (Андреев, Тозато-Риго 2017b: 599).

Отказ от Посреднического акта Наполеона в конце 1813 г. на заседании Сейма в Цюрихе привел к его самороспуску. Попытка реставрации «старого режима», равно как и создание Федерального собрания столкнулись с дав-

лением антинаполеоновской коалиции. У союзников сложились разные представления о будущем Конфедерации. При этом в протоколах заседания комиссии, «созданной для обсуждения дел швейцарских», зафиксировано, что «одна лишь Россия настаивала на восстановлении представительного правления в Берне» (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 768).

Заключение

Исследование эволюции государственного территориального устройства Швейцарии от Старой Швейцарской Конфедерации и Гельветической республики до сформировавшейся после Венского Конгресса и действующей сегодня федерации позволило привести аргументы, обосновывающие значительное влияние России на процесс укрепления ее государственности.

Следование принципу легитимизма, который проанализирован в работе, означало бы для Швейцарии возвращение к прежней Конфедерации, поражение в правах большинства населения, отторжение значительных территорий. Этого удалось избежать благодаря деятельности русской дипломатической миссии на Венском конгрессе, личным усилиям и воле Александра I. Современные границы Швейцарии, федеративное устройство, нейтралитет стали возможны во многом благодаря абсолютному монарху унитарного государства.

Историко-правовой анализ документов, доступ к которым до недавнего времени был осложнен для исследователей, меняет представления о предопределенности утверждения status quo для Швейцарии на Венском конгрессе, сложившиеся в историографии. Историографический анализ работ, посвященных легитимизму, позволяет сделать вывод об ошибочности устоявшихся в историографии представлений об авторстве теории легитимизма. Отсутствие указания на отечественные работы, в частности, на трактат Н.М. Карамзина, созданный раньше, чем принцип был озвучен Талейраном на Венском конгрессе в 1814 г., снижает ценность влияния российских ученых на формирование политико-правовых моделей государственности.

Концепция легитимизма проанализирована в контексте его политико-правового влияния на государственное устройство западноевропейских стран от реакции на революционные события во Франции к инструменту внешнеполитического воздействия для раскола союзников, предложенного Талейраном, и до оплота монархических и консервативных воззрений. Пересечения и коэволюция легитимизма и конституционализма, выявленные в ходе исследования, предопределяют необходимость дальнейшего изучения политико-правовых аспектов трансформации легитимизма и правовой природы государственного устройства, контекстно связанной с принципом легитимизма и нашедшей отражение в ряде конституционно-правовых институтов. Актуальность дальнейшего исследования обусловлена и тем фактом, что оба концепта в их правовом содержании возникли примерно на одном и том же историческом отрезке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авакьян С.А. 2016. Государство: взгляд с позиций конституционного права // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 2. С. 52–61.
- Алексеев А.С. 1916. Доктрина монархического принципа во Франции в эпоху реставрации. Москва : Типогр. Г. Лисснера и Д. Собко. 36 с.
- Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. (сост.) 2014. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп : Письма. Документы. Т. 1. Москва : Полит. энцикл. 920 с.
- Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. (сост.) 2017a. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп : Письма. Документы. Т. 2. 1802–1815. Москва : Полит. энцикл. 965 с.
- Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. (сост.) 2017b. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп : Письма. Документы. Т. 3. 1815–1832. Москва : Полит. энцикл. 967 с.
- Баглай М.В. и др. (ред.) 2006. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. Москва : Норма. 1043 с.
- Бердяев Н.А. 2002. Смысл истории : Новое Средневековье. Москва : Канон+ : ОИ «Реабилитация». 446 с.
- Бёрк Э. 2001. Правление, политика и общество : сборник / сост. Л. Полякова. Москва : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле. 480 с.
- Брубейкер Р. 2012. Этничность без групп. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 408 с.
- Виноградова Е.В. и др. 2023. Российская грань шведского конституционализма / Е.В. Виноградова, И.Л. Данилевская, М.В. Раттур // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 18, № 5. С. 11–34. DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-5
- Виноградова Е.В., Раттур М.В. 2024. Правовой дискурс формирования Российской социальной идентичности на рубеже XIX–XX вв. в нарративе солидарности поколений: историографический аспект // Государство и право. № 12. С. 160–171. DOI 10.31857/S1026945224120157
- Генифе П. 2003. «Рассуждения о Франции» Ж. де Местра и Французская революция // Французский ежегодник. С. 75–119.
- Горбань В.С. 2023. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4(104). С. 91–101. DOI 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101
- Горбань В.С. 2024. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. № 11. С. 7–22. DOI 10.31857/S1026945224110017
- Даневский В.П. 1882. Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи: историко-догматическое исследование. Санкт-Петербург : Типогр. Р. Голике. 335 с.
- Данилевская-Урбанова И.Л., Раттур М.В. 2024. Диахронный анализ реализации конституционных проектов в Российской империи (на примере Великого княжества Финляндского и Царства Польского) // Право и государство: теория и практика. № 9(237). С. 404–407. DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_404
- Додолев М.А. 2000. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. Москва : Ин-т всеобщей истории РАН. 253 с.
- Долгих А.Н. 2024. Об использовании термина «легитимизм» применительно к Российской истории первой половины XIX века // Гуманитарные исследования Центральной России. № 2(31). С. 7–12. DOI 10.24412/2541-9056-2024-231-7-12
- Жуков В.И., Раттур М.В. 2024. Историографическая концепция генезиса Российской цивилизации в Отечественной политико-правовой мысли // Государство и право. № 9. С. 63–76. DOI 10.31857/S1026945224090055

Заболотная А.С. 2010. Охранительная идеология в России XIX века в контексте европейской философии культуры и права // Экономические и гуманитарные исследования регионов. № 2. С. 21–38.

Зак Л.А. 1966. Монархи против народов: дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи : дис. ... д-ра ист. наук. Москва. 376 с.

Закатов А.Н. 2008. Традиции российской государственности: легитимизм и народность // Трибуна русской мысли. № 8. С. 94–110.

Карамзин Н.М. 2004. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. История государства Российского. Москва : Эксмо. С. 991–1015.

Карсанова Е.С. 2021. Консенсусная демократия в Швейцарии. Москва : Ruscience. 154 с.

Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. 2-е изд. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс. 542 с.

Кислягина Л.Г. 1976. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 198 с.

Котляревский С.А. 1904. Ламеннэ и новейший католицизм. Москва : Т-во А.А. Левенсон. 628 с.

Лотман Ю.М. 1957. Эволюция мировоззрения Н.М. Карамзина // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 51: Труды историко-филологического факультета. С. 122–166.

Медушевский А.Н. 2002. Сравнительное конституционное право и политические институты. Москва : ГУ ВШЭ. 510 с.

Мильчина В. (ред.) 2015. Сцены частной и общественной жизни животных : этюды современных нравов / пер. с франц., вступ. ст. и примеч. В. Мильчиной. Москва : Новое лит. обозрение. 656 с.

Мирзоев Е.Б. 2008. Легитимистская доктрина Жозефа де Местра и консерватизм в России (начало XIX века) // Новая и новейшая история. № 6. С. 109–119.

Мусихин Г.И. 2002. Россия в немецком зеркале: сравнительный анализ германского и российского консерватизма). Санкт-Петербург : Алетей. 255 с.

Нарочницкий А.Л. 1946. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. Москва : Типогр. Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). 76 с.

Осокин Н.А. 1892. Политические движения в Западной Европе в первой половине нашего века. 2-е изд. Казань : Типогр. т-ва Печенкина. 217 с.

Потёмкин В.П. (ред.) 1941. История дипломатии. Т. 1 / под ред. В.П. Потёмкина. Москва : Соцэкгиз. 567 с.

Правкин С.А. и др. 2020. Значение принципа законности в системе легитимизма Н.М. Карамзина / С.А. Правкин, В.В. Смирнова, Р.В. Шагиева, М.А. Хватова // Былые годы. № 55(1). С. 67–76. DOI 10.13187/bg.2020.1.67

Раттур М.В. 2023. Об историзации политико-юридической дискуссии о правовом статусе Великого княжества Финляндского в Российской империи // Право и государство: теория и практика. № 11(227). С. 74–77. DOI 10.47643/1815-1337_2023_11_74

Раттур М.В. 2024. Экспликация понятия «идентичность» в отечественном политико-правовом пространстве: историографический анализ // Государство и право. № 11. С. 44–57. DOI 10.31857/S1026945224110043

Руденко В.Н. 2003. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург : Урал. отд-ние РАН. 476 с.

Савенков А.Н. 2023. Значение идей Н.Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. № 10. С. 7–16. DOI 10.31857/S102694520028158-4

Савенков А.Н. 2024. Философия права и становление российского государства-цивилизации. Москва : Наука. 739 с.

Таньшина Н.П. 2020. Французский легитимизм первой половины XIX в.: «бедные родственники» историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11, № 3(89). С. 19–25. DOI 10.18254/S207987840009704-3

Тишков В.А. 2021. Избранные труды. В 5 т. Т. 4. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Москва : Наука. 631 с.

Фишман Л.Г. 2024. Российский цивилизационизм и поиски российской идентичности // Государство и право. № 12. С. 46–56. DOI 10.31857/S1026945224120045

Хофер Э. 2006. Федерализм и нейтралитет Швейцарии – вчера и сегодня // Современная Европа. № 2(26). С. 54–61.

Чичерин Б.Н. 1902. История политических учений. Ч. 5. XIX век. Москва : Типогр. Грачева. 448 с.

Чудинов А.В. 1992. Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. Москва : Наука. 368 с.

Швейцер В.Я. (ред.) 2009. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В.Я. Швейцера. Москва : Весь Мир. 542 с.

Шебунин А.Н. 1925. Европейская контр-революция в первой половине XIX века. Ленинград : «Сеятель» Е.В. Высоцкого. 232 с.

Шмитт К. 2000. Политическая теология. Москва : Канон-пресс. 366 с.

Шмурло Е.Ф. 2009. Мир русской истории. IX–XX вв. Москва : Вече. 352 с.

Штиглиц А.Н. 1890. Исследование о началах: политического равновесия, легитимизма и национальности. В 4 т. Т. 4. Начало легитимизма. Санкт-Петербург : Типогр. братьев Пантелеевых. 229 с.

Яблоков С.А. 2008. Россия будущего в представлениях Ф.И. Тютчева и Б.Н. Чичерина. Москва : Изд-во Нац. Ин-та бизнеса. 239 с.

Bourke R. 2015. *Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke*. Princeton : Princeton Univ. Press. 1032 p.

Burke E. 1992. *Reflections on the Revolution in France*. London : Overseas Publications Interchange Ltd. 413 p.

Clark J.C.D. 2000. *English Society, 1660–1832: religion, ideology, and politics during the ancien regime*. Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press. 580 p.

Elazar D. 1987. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa, AL : Univ. of Alabama Press. 335 p.

Heywood A. 2007. *Political Ideologies: An Introduction*. 3rd ed. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 366 p.

References

Alekseev A.S. *Doktrina monarkhicheskogo printsipa vo Frantsii v epokhu restavratsii* [The Doctrine of the Monarchical Principle in France during the Restoration Era], Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1916, 36 p. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Tozato-Rigo D. (comp.) *Imperator Aleksandr I i Frederik-Sezar Lagarp : Pis'ma. Dokumenty. T. 1* [Emperor Alexander I and Frederic-Cesar La Harpe: Letters. Documents. Vol. 1], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 920 p. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Tozato-Rigo D. (comp.) *Imperator Aleksandr I i Frederik-Sezar Lagarp : Pis'ma. Dokumenty. T. 2. 1802–1815* [Emperor Alexander I and Frederic-Cesar La Harpe: Letters. Documents. Vol. 2. 1802–1815], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017, 965 p. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Tozato-Rigo D. (comp.) *Imperator Aleksandr I i Frederik-Sezar Lagarp : Pis'ma. Dokumenty. T. 3. 1815–1832* [Emperor Alexander I and Frederic-Cesar La Harpe: Letters. Documents. Vol. 3. 1815–1832], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017, 967 p. (in Russ.).

Avakyan S.A. State: Constitutional Law Point of View, *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, no. 2, pp. 52–61. (in Russ.).

Baglay M.V., Leybo Yu.I., Entin L.M. (eds.) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional Law of Foreign Countries], Moscow, Norma, 2006, 1043 p. (in Russ.).

Berdyaev N.A. *Smysl istorii : Novoe Srednevekov'e* [The Meaning of History: The New Middle Ages], Moscow, Kanon+, OI «Reabilitatsiya», 2002, 446 p. (in Russ.).

Bourke R. *Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2015, 1032 p.

Brubaker R. *Ethnicity without groups*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012, 408 p. (in Russ.).

Burke E. *Pravlenie, politika i obshchestvo : sbornik* [Board, Politics and Society : a collection], Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 480 p. (in Russ.).

Burke E. *Reflections on the Revolution in France*, London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1992, 413 p.

Chicherin B.N. *Istoriya politicheskikh ucheniy. Ch. 5. XIX vek* [History of political doctrines. Pt. 5. XIX century], Moscow, Tipografiya Gracheva, 1902, 448 p. (in Russ.).

Chudinov A.V. *Egalitaristskie pamflety v Anglii serediny XVIII v.* [Egalitarian pamphlets in England in the mid-18th century], Moscow, Nauka, 1992, 368 p. (in Russ.).

Clark J.C.D. *English Society, 1660–1832: religion, ideology, and politics during the ancien regime*, Cambridge, New York, Cambridge Univ. Press, 2000, 580 p.

Danevsky V.P. *Sistemy politicheskogo ravnovesiya i legitimizma i nachalo natsional'nosti v ikh vzaimnoy svyazi: istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Systems of Political Equilibrium and Legitimism and the Beginning of Nationality in their Mutual Connection: Historical and Dogmatic Research], St. Petersburg, Tipografiya R. Golike, 1882, 335 p. (in Russ.).

Danilevskaya-Urbanova I.L., Rattur M.V. Diachronic Analysis of the Implementation of Constitutional Projects in the Russian Empire (Using the Example of the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland), *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 9(237), pp. 404–407. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_404 (in Russ.).

Dodolev M.A. *Venskiy kongress v istoriografii XIX i XX vekov* [The Congress of Vienna in the Historiography of the 19th and 20th centuries], Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2000, 253 p. (in Russ.).

Dolgikh A.N. On the Use of the Term “Legitimism” Applied to the Russian History of the First Half of the 19th century, *Humanities Researches of the Central Russia*, 2024, no. 2(31), pp. 7–12. <https://doi.org/10.24412/2541-9056-2024-231-7-12> (in Russ.).

Elazar D. *Exploring Federalism*, Tuscaloosa, AL, Univ. of Alabama Press, 1987, 335 p.

Fishman L.G. Russian Civilizationism and the Elusive Russian Identity, *State and Law*, 2024, no. 12, pp. 46–56. <https://doi.org/10.31857/S1026945224120045> (in Russ.).

Gorban V.S. Historiographical Models of Reconstruction of Political and Legal Doctrines, *State and Law*, 2024, no. 11, pp. 7–22. <https://doi.org/10.31857/S1026945224110017> (in Russ.).

Gorban V.S. New Historiography of Political and Legal Thought as an Urgent Task of Legal Sciences, *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 4(104), pp. 91–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101> (in Russ.).

Gueniffey P. «Rassuzhdeniya o Frantsii» Zh. de Mestra i Frantsuzskaya revolyutsiya [“Reflections on France” by J. de Maistre and the French Revolution], *Annual of French Studies*, 2003, pp. 75–119. (in Russ.).

Heywood A. *Political Ideologies: An Introduction*, 3rd ed., Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007, 366 p.

Hoffer E. *Federalizm i neytralitet Shveysarii – vchera i segodnya* [Federalism and Neutrality in Switzerland – Yesterday and Today], *Contemporary Europe*, 2006, no. 2(26), pp. 54–61. (in Russ.).

Karamzin N.M. *O drevney i novoy Rossii vee politicheskoy i grazhdanskoy otnosheniyakh* [On Ancient and New Russia in its Political and Civil Relations], N.M. Karamzin, *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*, Moscow, Eksmo, 2004, pp. 991–1015. (in Russ.).

Karsanova E.S. *Konsensusnaya demokratiya v Shveysarii* [Consensus Democracy in Switzerland], Moscow, Ruscience, 2021, 154 p. (in Russ.).

Kelsen H. *Pure Theory of Law*, 2nd ed., St. Petersburg, Alef-Press, 2015, 542 p. (in Russ.).

Kislyagina L.G. *Formirovanie obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov N.M. Karamzina* [Formation of socio-political views of N.M. Karamzin], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976, 198 p. (in Russ.).

Kotlyarevsky S.A. *Lamenne i noveyshiyy katolitsizm* [Lamennais and the Newest Catholicism], Moscow, Tovarishchestvo A.A. Levenson, 1904, 628 p. (in Russ.).

Lotman Yu.M. *Evolutsiya mirovozzreniya N.M. Karamzina* [Evolution of N.M. Karamzin's Worldview], *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta, iss. 51: Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta*, 1957, pp. 122–166. (in Russ.).

Medushevsky A.N. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty* [Comparative constitutional law and political institutions], Moscow, Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki, 2002, 510 p. (in Russ.).

Milchina V. (ed.) *Stseny chastnoy i obshchestvennoy zhizni zhivotnykh : etyudy sovremennykh nrayov* [Scenes from the Private and Public Life of Animals], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 656 p. (in Russ.).

Mirzoev E.B. The Legitimist Doctrine of Joseph de Maistre and the Conservatism in Russia (The Beginning of the XIXth century), *Modern and Contemporary History*, 2008, no. 6, pp. 109–119. (in Russ.).

Musikhin G.I. *Rossiya v nemetskom zerkale: sravnitel'nyy analiz germanskogo i rossiyskogo konservatizma* [Russia in the German Mirror: A Comparative Analysis of German and Russian Conservatism], St. Petersburg, Aleteyya, 2002, 255 p. (in Russ.).

Narochitsky A.L. *Mezhdunarodnye otnosheniya evropeyskikh gosudarstv s 1794 do 1830g.* [International relations of European states from 1794 to 1830], Moscow, Tipografiya Vysshey partiynoy shkoly pri TsK VKP(b), 1946, 76 p. (in Russ.).

Osokin N.A. *Politicheskie dvizheniya v Zapadnoy Evrope v pervoy polovine nashogo veka* [Political movements in Western Europe in the first half of our century], 2nd ed., Kazan, Tipografiya tovarishchestva Pechenkina, 1892, 217 p. (in Russ.).

Potemkin V.P. (ed.) *Istoriya diplomatii. T. 1* [History of diplomacy, Vol. 1], Moscow, Sotsekgiz, 1941, 567 p. (in Russ.).

Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A. The Significance of the Principle of Legality in the System of Legitimacy of N.M. Karamzin, *Bylye Gody*, 2020, no. 55(1), pp. 67–76. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.1.67> (in Russ.).

Rattur M.V. Explication of the Concept of “Identity” in the Domestic Political and Legal Space: Historiographical Analysis, *State and Law*, 2024, no. 11, pp. 44–57. <https://doi.org/10.31857/S1026945224110043> (in Russ.).

Rattur M.V. On the Historicization of the Political and Legal Debate on Legal Status the Grand Duchy of Finland in the Russian Empire, *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2023, no. 11(227), pp. 74–77. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_11_74 (in Russ.).

Rudenko V.N. *Pryamaya demokratiya: modeli praveniya, konstitutsionno-pravovye instituty* [Direct democracy: models of government, constitutional and legal institutions], Ekaterinburg, Ural'skoe otделение RAN, 2003, 476 p. (in Russ.).

Savenkov A.N. *Filosofiya prava i stanovlenie rossiyskogo gosudarstva-tsvilizatsii* [Philosophy of Law and the Formation of the Russian State-Civilization], Moscow, Nauka, 2024, 739 p. (in Russ.).

Savenkov A.N. The Significance of N. Ya. Danilevsky's Ideas for the Formation of Modern Philosophy of Law, *State and Law*, 2023, no. 10, pp. 7–16. <https://doi.org/10.31857/S102694520028158-4> (in Russ.).

Schmitt K. *Political Theology*, Moscow, Kanon-press, 2000, 366 p. (in Russ.).

Schweitzer V.Ya. (ed.) *Gosudarstva Al'piyskogo regiona i strany Benilyuks v menyayushcheyseya Evrope* [States of the Alpine Region and the Benelux Countries in a Changing Europe], Moscow, Ves' Mir, 2009, 542 p. (in Russ.).

Shebunin A.N. *Evropeyskaya kontr-revolutsiya v pervoy polovine XIX veka* [European Counter-revolution in the First Half of the 19th century], Leningrad, «Seyatel'» E.V. Vysotskogo, 1925, 232 p. (in Russ.).

Shmurlo E.F. *Mir russkoy istorii. IX–XX vv.* [The world of Russian history. IX–XX centuries], Moscow, Veche, 2009, 352 p. (in Russ.).

Stiglitz A.N. *Issledovanie o nachalakh: politicheskogo ravnovesiya, legitimizma i natsional'nosti. V 4 t. T. 4. Nachalo legitimizma* [Research on the principles of political equilibrium, legitimism and nationality, in 4 vols. Vol. 4. The Beginning of Legitimism], St. Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1890, 229 p. (in Russ.).

Tanjshina N. French Legitimism of the 19th century's first half: “Poor Relatives” of Historiography, *Istoriya*, 2020, vol. 11, no. 3(89), pp. 19–25. <https://doi.org/10.18254/S207987840009704-3> (in Russ.).

Tishkov V.A. *Izbrannye trudy. V 5 t. T. 4. Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [Selected works, in 5 vols. Vol. 4. Russian people: history and meaning of national self-awareness], Moscow, Nauka, 2021, 631 p. (in Russ.).

Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L., Rattur M.V. The Russian Facet of Swedish Constitutionalism, *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2023, vol. 18, no. 5, pp. 11–34. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-5> (in Russ.).

Vinogradova V., Rattur M.V. Legal Discourse of Russian Social Identity Formation at the Turn of the XIX–XX Centuries in the Narrative of Solidarity of Generations: Historiographical Aspect, *State and Law*, 2024, no. 12, pp. 160–171. <https://doi.org/10.31857/S1026945224120157> (in Russ.).

Yablokov S.A. *Rossiya budushchego v predstavleniyakh F.I. Tyutcheva i B.N. Chicherina* [Russia of the Future in the Visions of F.I. Tyutchev and B.N. Chicherin], Moscow, Izdatel'stvo Natsional'nogo Instituta biznesa, 2008, 239 p. (in Russ.).

Zabolotnaya A.S. *Okhranitel'naya ideologiya v Rossii XIX veka v kontekste evropeyskoy filosofii kul'tury i prava* [Protective Ideology in Russia in the 19th century in the Context of European Philosophy of Culture and Law], *Economical and Humanitarical Researches of the Regions*, 2010, no. 2, pp. 21–38. (in Russ.).

Zak L.A. *Monarkhi protiv narodov: diplomaticheskaya bor'ba na razvalinakh napoleonovskoy imperii : dis. ... d-ra ist. nauk* [Monarchs Against Peoples: Diplomatic Struggle on the Ruins of the Napoleonic Empire: Dissertation], Moscow, 1966, 376 p. (in Russ.).

Zakatov A.N. Traditsii rossiyskoy gosudarstvennosti: legitimizm i narodnost' [Traditions of Russian Statehood: Legitimism and Nationality], *Tribuna russkoy mysli*, 2008, no. 8, pp. 94–110. (in Russ.).

Zhukov V.I., Rattur M.V. Historiographic Concept of the Genesis of Russian Civilization in Domestic Political and Legal Thought, *State and Law*, 2024, no. 9, pp. 63–76. <https://doi.org/10.31857/S1026945224090055> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Валерьевна Виноградова

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН,
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-3568-9042;
ResearcherID: M-4613-2015;
SPIN-код: 8022-0021;
E-mail: evsfrf@gmail.com

Мария Владимировна Раттур

кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник
Института государства и права РАН,
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-4879-5151;
SPIN-код: 5487-0117;
E-mail: rattur@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Vinogradova

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-3568-9042;
ResearcherID: M-4613-2015;
SPIN-code: 8022-0021;
E-mail: evsfrf@gmail.com

Maria V. Rattur

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Researcher,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-4879-5151;
SPIN-code: 5487-0117;
E-mail: rattur@yandex.ru